

Старший научный сотрудник
исторического отдела
Псковского музея-заповедника
Сафронова М.Н.

Псковская губерния. №43 (565), 9 ноября – 15 ноября 2011

URL: http://gubernia.media/number_565/03.php

Великая Память и отечественное беспамятство. Часть первая.

Из истории воинских захоронений в Псковской области

На фоне последних публикаций «Псковской губернии» о модернизации областного здравоохранения тема воинских захоронений кажется неуместной. Что уж говорить о мертвых, если власти нет никакого дела до живых. Есть расхожая оценка о степени развитости общества – как оно относится к старикам и детям. Список можно продолжать. Я бы включила в него и отношение к «отеческим гробам» – к памяти павших за Отечество, на поле брани.

Захоронение военнослужащего Красной Армии. 1941-1942 (?) гг.

Отношение к могилам предков – тоже признак степени цивилизованности общества. Неуважение к памяти предков – дурной знак живым. Правда, мертвые «сраму не имеют», но, в отличие от живых, за себя постоять уже не могут.

Какое-то время назад мне казалось, что больших проблем с воинскими захоронениями в Псковской области практически нет, кроме, пожалуй, благоустройства, проведения капитальных и косметических ремонтов.

Но, оказывается, это не самая главная проблема.

Трижды захороненный

К пристальному вниманию к этой теме меня подтолкнуло письмо в Псковский музей, пришедшее из города Каменск-Уральский Свердловской области от краеведа Татьяны Ивановны Сарабанской. Её земляк, Михаил Павлович Бессонов, погиб 17 февраля 1944 года и был похоронен, по данным военкомата, в дер. Грызавино Островского района Псковской области. М. П. Бессонов был рядовым 760-го стрелкового полка 208-й стрелковой дивизии 1-й ударной армии.

Памятник на братской могиле в дер. Турки-Перевоз Невельского района Псковской области. Могила появилась в 1943 году. Памятник установлен в 1944 году, был создан бойцами 3-й Ударной Армии и стоит до сих пор. В основании валунной пирамиды – фрагменты подлинного советского оружия. Фото начала 1960-х гг.

В связи со сбором материала о земляках – участниках войны Т. И. Сарабанская просила рассказать, в каких боях на Псковщине участвовал М. П. Бессонов.

Трудностей, на первый взгляд, при ответе быть не могло – М. П. Бессонов числился в списке воинского захоронения в Грызавино. В Островском районном военкомате есть сведения и о его родных, что бывает далеко не часто. Всё как положено. Смутил только один факт: дата гибели – 17 февраля 1944 года. 208-я стрелковая дивизия действительно освобождала Псковскую землю, но вступила на её территорию позже 17 февраля, а в Островском районе её и потом не было, она шла южнее, да и бои за Остров начались только 20-21 июля 1944 года.

С другой стороны, и сомнений в дате гибели быть не могло: дата указана в донесении о безвозвратных потерях 208-й стрелковой дивизии от 1 марта 1944 года. Но в общедоступной базе данных Центрального архива Министерства обороны «Мемориал» указаны еще два (!) места (кроме Грызавино) захоронения Михаила Павловича Бессонова – село Красное Авраамово (граница Псковской и Новгородской областей) и дер. Зехино в Новгородской области. Между Грызавино, Авраамово и Зехино больше сотни километров. Причем, в списке захоронения в Зехино Бессонов тоже числится.

Как можно разобраться в такой ситуации? Кто, когда, по какой причине внес эту путаницу? Где на самом деле похоронен М. П. Бессонов? Стало ясно, что в реальности такая ситуация – у многих тысяч погибших в ту войну. Главный виновник нам известен – война. Но от этого не легче.

Смерти трех эпох

Сомнения в полноте и соответствии списков захоронений действительности у меня были и раньше, но не было конкретных подтверждений, т. к. доступ к архиву Министерства обороны (до опубликования в электронной базе данных «Мемориал») долгое время был затруднен.

Псков, военное кладбище в военном городке (район нынешней ул. Юбилейной). На 1946 год на кладбище были 362 могилы. На кладбище хоронили до 1947 года умерших в госпиталях. На момент фотосъемки (1960-е годы) могил было уже 389.

Работа с архивными документами, с базой данных «Мемориал» убедили меня в том, что состояние воинских захоронений в Псковской области (честно скажем, не только в Псковской) – удручающее, и дело как раз не в благоустройстве, не в форме, а в содержании всего этого дела.

Итак, всё по порядку.

Как появились многочисленные воинские захоронения на Псковской земле?

Великая Отечественная война оставила свой след не только в истории Псковской земли, но и на ее территории, где осталось после военных действий несколько тысяч воинских могил.

В июле-августе 1941 года территория Псковщины была оккупирована германскими войсками групп армий «Центр» и «Север», т. е. в 1941 году на её

территории почти в течение двух месяцев шли упорные бои с серьезными потерями [см.: М. Сафронова. [Псков сорок первого](#); М. Сафронова. [Известное о Неизвестном Солдате](#)].

В период немецкой оккупации Псковщина продолжала оставаться зоной боевых действий – здесь 32 месяца продолжалась борьба партизан с оккупантами.

Псков, воинское захоронение «Большое Крестовское». Фото начала 1960-х гг. На тот момент на кладбище числилось захороненными 129 человек.

Командование армейских групп вермахта «Центр» и «Север» не раз прибегало к организации карательных экспедиций против партизанских зон, бригад и отрядов, используя в качестве карателей не только охранные, но и снятые с фронта части.

Бои против партизан носили ожесточенный характер: против них противник бросал артиллерию, авиацию, танки. В борьбе с врагом на

Псковщине погибли 5675 партизан и 623 подпольщика (по данным Книги памяти по Псковской области).

Захоронения партизан, подпольщиков, погибших на оккупированной территории, как правило, не афишировались. После войны некоторые из них просто исчезли, т. к. единственные источники сведений о них – это свидетели, участники захоронения, многие из которых сами не дожили до конца войны.

Оккупационный режим, установленный немецко-фашистскими захватчиками на Псковской земле, нанес огромный ущерб – были стерты с лица земли более 5000 псковских деревень, 17189 мирных граждан были расстреляны, сожжены заживо были 1950 человек (около 100 деревень было сожжено вместе с жителями). Свидетели массовой гибели мирных граждан – часто единственный источник о захоронениях такого рода. Документальных источников немного, порой они слабо привязаны к местности и определить точное место трагических событий почти невозможно.

Псковская земля обильно полита кровью солдат Красной Армии при освобождении. На Псковщине Красной Армией с января 1942 года по август 1944 года было проведено 6 наступательных операций, в ходе которых частям пришлось прорывать, неся огромные потери, несколько оборонительных линий противника, в том числе самую мощную здесь линию – северную часть Восточного вала – линию «Пантера». В феврале – июле 1944 года только в боях [на линии «Пантера»](#) участвовали восемь наших армий (30 дивизий), которые разгромили или нанесли серьезные потери 11 дивизиям вермахта.

Фактически на Псковщине в течение трех лет непрерывно шли боевые действия разной интенсивности, в ходе которых появились тысячи индивидуальных и братских могил, в которых покоятся тысячи бойцов Красной Армии, военнопленных, партизан, подпольщиков, мирных жителей.

С книгами погребения и без них

Захоронения, появлявшиеся в зоне военных действий в период Великой Отечественной войны, можно было условно разделить на несколько типов.

Псков, военное кладбище в военном городке (район нынешней ул. Юбилейной). Фото 1960-х годов.

Это, в первую очередь, плановые захоронения, проводившиеся в соответствии с «Положением о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время». Это Положение было утверждено приказом Народного Комиссариата Обороны СССР от 15 марта 1941 года № 138.

Плановые захоронения выполнялось специальными командами воинских частей и соединений. Места погребений – это одиночные, общие (братские) могилы, кладбища воинских частей и подразделений.

Погибших должны были хоронить в могилы достаточной глубины (до 1,5 м), над могилами насыпались холмики высотой до 0,5м, устанавливалась пирамидка (из камня или из досок) высотой до 1,5 м, на ней наносился номер могилы, если это была братская могила, или фамилия погибшего, если это была индивидуальная могила. На практике на братских могилах ставили пирамидки большего размера, чем на индивидуальных, офицерских могилах.

Как правило, рядовой состав хоронили в братских могилах, офицерский состав – в индивидуальных. Кроме того, офицеров, как правило, хоронили в населенных пунктах.

Начальствующий офицерский состав хоронили в крупных населенных пунктах, иногда довольно далеко от мест боев. Так, в Пскове на Площади Жертв Революции были похоронены командующий артиллерией 123-го стрелкового корпуса полковник Владимир Петрович Тельнов (умер от ран 13.08.1944 в Латвии у г. Алуksне, похоронен «левее 4 м от памятника») и начальник военного снабжения 3-го Прибалтийского фронта генерал-майор Андрей Анатольевич Коршунов (умер от ран 11.09.1944 на территории Прибалтики).

При погребении в братской могиле в книге погребения против каждой фамилии точно указывалось место, например: «от северного края 3-й во втором ряду».

Порядок погребения требовал изъятия документов, медальонов (точнее, одного экземпляра вкладыша), личных вещей. Но этот порядок нередко нарушался при погребении в братской могиле.

Плановые захоронения чаще всего организовывались в воинские кладбища. Их положено было сдавать по актам представителям местных органов власти или военных комиссариатов с указанием фамилий погребенных, места расположения могил. Эти же данные должны были передаваться и в архив. Такие данные можно встретить в Центральном архиве Министерства обороны РФ. Я пока встретила только несколько схем расположений воинских захоронений, в частности, в Пустошкинском районе.

По ряду причин Положение о персональном учете потерь и погребении погибшего личного состава Красной Армии в военное время не было своевременно доведено до воинских частей и часто плановые захоронения осуществлялись не в установленном порядке.

В период тяжелых оборонительных боев часто не было возможности достойно похоронить погибших. Но не всегда это делалось и в период

наступления. Если похоронные команды отставали и теряли свои части, то тогда захоронения проводились тыловыми службами или местным населением, и при этом тоже могло не соблюдаться Положение о погребении воинов.

Приказом Народного Комиссариата Обороны СССР от 04.04.1942 была введена «Инструкция по уборке бывших полей сражений», которая возлагала сбор, документирование и захоронение оставшихся незахороненными погибших воинов Красной Армии на команды из гражданского населения под руководством местных советов.

Все данные о погибших, о месте их захоронения команды из гражданского населения должны были заносить в книгу под названием «Именной список трупов командиров и бойцов Красной Армии и гражданского населения, обнаруженных на полях сражений».

В книге указывалось место и время проведения работ, населенный пункт, номер могилы и её точное расположение, количество и установленные биографические данные захороненных. При перезахоронении в книге указывалось точное расположение места бывшей могилы, число перезахороненных, место нового захоронения.

Где можно сейчас найти хотя бы одну такую книгу? Но они же были! В объединенной базе данных «Мемориал» мне пока встретился один такой документ «Список из книги погребения Островского РВК на собранные после боев и захороненные трупы бойцов воинских частей Красной Армии». Даже на первый взгляд видно, что список не полный – в списке не хватает многих имен, которые есть в списках безвозвратных потерь частей, освобождавших Островский район.

Все сведения из таких книг должны были сообщаться в Центральное бюро по персональному учету потерь личного состава действующей армии. Сама книга по акту должна быть передана на хранение в местные советы, которые обязывались проявлять заботливое отношение к могилам воинов, устанавливать на них опознавательные знаки с номерами могил.

Такими были правила при погребении погибших воинов в период Великой Отечественной войны. Нужно помнить, что правила пишут люди, исполняют их тоже люди. И ничто человеческое им не чуждо. Жизнь ставит их порой в такие условия, что не до неукоснительного соблюдения правил.

Такова теория. О практике – дальше. Она, как выясняется, бывает очень далека от теории.

Траурная нагрузка на местные советы в только что освобожденных районах страны была столь велика, что с задачей захоронения они не справлялись. С 22 апреля 1942 года для захоронения останков бойцов Красной Армии и противника на каждом фронте, в каждой армии были созданы специальные команды при соответствующих санитарных управлениях.

На территории Псковщины к плановым захоронениям относятся, в основном, захоронения периода 1942-44 гг., появившиеся в ходе боевых действий при освобождении края.

В перерывах между боями, иногда даже во время боевых действий, производились боевые захоронения. Места под боевые захоронения не отводились, не составлялись схемы захоронений – погибших хоронили однополчане чаще всего непосредственно в районе гибели. Если удавалось установить личность, то погибший вносился в список потерь и, в ряде случаев, родственникам сообщали место захоронения. Остальные изначально числились без вести пропавшими.

Документы, медальоны, личные вещи при боевых захоронениях зачастую, вопреки инструкции, не изымались. Информация об этих захоронениях если и может быть найдена, то только в списках безвозвратных потерь воинских частей либо в воспоминаниях очевидцев.

Такая информация – большая редкость. Но и от неё бывает немного пользы. Например, в донесениях о безвозвратных потерях воинских частей, оборонявших и освобождавших Псков, можно найти следующие записи: «Псков. Кладбище городской больницы», «у крепостной стены», «возле 4-й школы», «берег Великой 200 метров от железной дороги», «берег Великой в

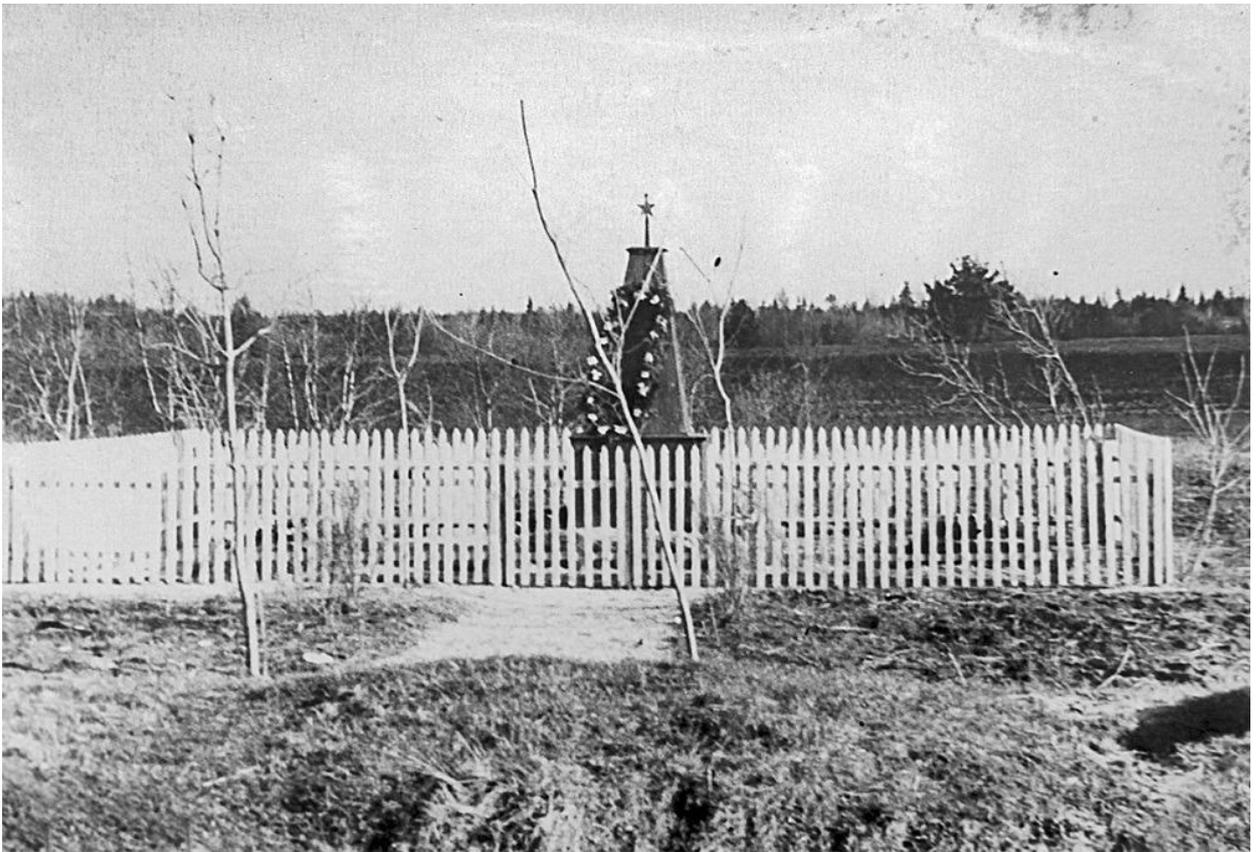
20 метрах от дома № 13 улицы Горной», «восточный берег Великой», «с левой стороны собора у моста реки Великой», «д. Орлецы в 60 м от моста», «500 м западнее города», «в огороде», «в Усановке»...

Что случилось с этими индивидуальными могилами? Нет ответа. Может быть, они были перенесены на воинские кладбища, но не сохранилось (по крайней мере, хотя бы в военкоматах) никаких документальных сведений на этот счет.

Потерянное письмо из сорок первого

Примером такого захоронения может служить судьба Ивана Михайловича Конева.

Летом 2010 года в Псков из Вологодской области приехал Александр Иванович Конев. Он разыскивал могилу своего отца, Ивана Михайловича Конева, рядового 111-й стрелковой дивизии (дивизия и формировалась в Вологодской области). Он погиб 7 июля 1941 года при обороне Пскова. Известие об этом пришло в Вологодскую область только в 1944 году. Это было письмо от отца, датированное 1941 годом. Его прислал из Пскова И. А. Баслаков, в 1941 году проживавший в деревне Подпиралово (в 1941 году эта деревня не входила в черту города, сейчас это уже городская территория, в районе улиц К. А. Шестака и В. Ф. Маргелова).

Псков, Старое Мирносицкое кладбище. Братское захоронение советских военнопленных, погибших в оккупированном Пскове. Фото начала 1960-х гг. Число захороненных, по данным ГАПО, 30 тысяч человек.

И. А. Баслаков сообщил, что 7 июля 1941 года, когда части 118-й и 111-й стрелковых дивизий с боями отступали к Пскову, он похоронил рядом с домом двух солдат, у одного за отворотом пилотки он нашел письмо родным. Отправить письмо солдата он не успел – 8 июля район Завеличья был занят немецкой армией. И. А. Баслаков хранил солдатское письмо всю оккупацию и лишь после освобождения Пскова отправил по указанному на письме адресу.

Александр Ивановичу мы не смогли показать, где похоронен его отец. Деревни давно нет. Там сейчас многоэтажки. Ни на одном воинском кладбище Пскова имени его отца нет. Трудно сказать, перезахоранивали его отца сразу после войны или нет. Если перезахоронили, то, может быть, на воинское кладбище на Юбилейной улице. Если нет, то уже ничего не исправить. Единственное, что может сделать городской военкомат – это внести имя Ивана

Михайловича Конева на одну из плит на воинском кладбище на улице Юбилейной. Хотя бы имя вернуть из небытия.

В семье Коневых, к сожалению, не удалось сохранить ни отцовского письма, ни адреса И. А. Баслакова. Может, кому-то известна эта история? Откликнитесь!

На территории Псковской области боевые захоронения – это, прежде всего, захоронения 1941 года.

Там, где застала смерть

На местах боев создавались и санитарные захоронения, где, как правило, местное население хоронило погибших или умерших от ран воинов. Места под такие захоронения выбирались исходя из условий: это были воронки от снарядов, авиабомб, траншеи, блиндажи, погреба, подвалы, овраги. Прежде всего, это происходило на территории боев 1941 года, когда Красная Армия с боями отступала на восток.

Печоры, кладбище № 2 в военном городке. Фото начала 1960-х гг. На момент фотосъемки на кладбище числилось захороненными 64 известных воина, число неизвестных не было учтено.

Порядок погребения при захоронениях такого рода не соблюдался, список не составлялся. В этих случаях бойцы и командиры Красной Армии числились по армейским документам либо без вести пропавшими, либо погребенными без указания места захоронения. Информация о таких захоронениях, как правило, не документировалась. Основные сведения о них – это воспоминания участников и очевидцев их создания. Понятно, что сведения эти легендарны и в целом крайне скудны.

В местах, где проходила линия фронта, часто оставались незахороненными останки бойцов, засыпанных в траншеях, землянках, окопах, дотах, дзотах, в лесной местности и т. д. Это неизвестные захоронения, их можно обнаружить только случайно. Такие захоронения были, например, [вдоль линии «Пантера»](#), где бои шли почти пять месяцев.

После войны стали появляться мемориальные захоронения – воинские захоронения и могилы, создаваемые для увековечения памяти героически погибших воинов, на местах их массовой гибели, ожесточенных сражений или в местах большой исторической значимости. В этом случае количество увековеченных на мемориале может не соответствовать количеству фактически захороненных. Теперь, понимая общую картину, я бы отнесла к такого рода захоронениям большинство воинских захоронений, числящихся сейчас на территории Псковской области.

Марина САФРОНОВА, старший научный сотрудник исторического отдела Псковского государственного музея-заповедника, специально для «Псковской губернии»

Автор выражает благодарность сотрудникам Государственного архива Псковской области за предоставленные фотоматериалы.

[Продолжение следует.](#)